

Бахлова Ольга Владимировна

ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТРАЛЬНО-ПЕРИФЕРИЙНУЮ КОНФИГУРАЦИЮ РЕГИОНА

В статье анализируются вопросы теоретической интерпретации и моделирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Выделяются основные этапы и итоги их эволюции на современном этапе. Особое внимание обращается на пространственно-территориальный компонент данного процесса в контексте изучения проблемы центрально-периферийной конфигурации региона Содружества. Предлагаются различные сценарии формирования его пространственной композиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 24-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

M. YA. OSTROGORSKII AND P. N. MILYUKOV ABOUT "HUMAN DIMENSION" OF PARTY ACTIVITY

Igor' Vladimirovich Andreev, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History, Philosophy and Sociology
Moscow State Academy of Communal Services and Construction
i1532@yandex.ru

The author reveals the ideas of the Russian liberalism eminent ideologists of the beginning of the XXth century - M. Ya. Ostrogorskii and P. N. Milyukov - about a personality's role and position in political parties; trying to identify the fundamental differences origins in the thinkers' perception of this subject (Ostrogorskii's "pessimistic" one and Milyukov's "optimistic" one), demonstrates the accentuation of various components in positivist theory and methodology by these ideologists, which, in turn, is conditioned by the non-identity of their original value systems and political-worldview attitudes.

Key words and phrases: M. Ya. Ostrogorskii; P. N. Milyukov; political institutions; political parties; party activity; social-philosophical foundations of political parties theory; individual; personality; intraparty interpersonal relationships; positivism.

УДК 94(470+571):332.135

В статье анализируются вопросы теоретической интерпретации и моделирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Выделяются основные этапы и итоги их эволюции на современном этапе. Особое внимание обращается на пространственно-территориальный компонент данного процесса в контексте изучения проблемы центрально-периферийной конфигурации региона Содружества. Предлагаются различные сценарии формирования его пространственной композиции.

Ключевые слова и фразы: вертикальная интеграция; горизонтальная интеграция; дезинтеграция; интеграционная система; периферия; регион; реинтеграция; центр; эволюция.

Ольга Владимировна Бахлова, д. полит. н., доцент
Кафедра всеобщей истории и мирового политического процесса
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
olga.bahlova@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТРАЛЬНО-ПЕРИФЕРИЙНУЮ КОНФИГУРАЦИЮ РЕГИОНА[©]

Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (проект 14.740.11.0239).

В процессах, характеризующих создание и эволюцию Содружества Независимых Государств (СНГ) и субрегиональных объединений на пространстве бывшего Советского Союза, проявляется весьма значительный пространственно-территориальный компонент. Он имеет отношение как к геополитическому статусу и роли региона в современных условиях, так и к внутренней ситуации в постсоветских государствах. Под воздействием комплекса факторов эндогенного и экзогенного происхождения их пространственная композиция, ее символическое наполнение и структура претерпели существенные изменения. Можно говорить о внешнем и внутреннем измерениях, в которых они нашли свое выражение. Прежде всего, обратим внимание на трансформацию конфигурации региона Содружества в контексте диверсификации здесь интеграционных форматов. Полюсами притяжения для постсоветских государств выступают Европейский Союз (ЕС), Организация экономического сотрудничества (ОЭС), Содружество Независимых Государств, субрегиональные объединения (Евразийское Экономическое Сообщество – ЕврАзЭС, Организация Договора о коллективной безопасности – ОДКБ и др.). Геополитическая целостность постсоветского пространства и даже пространства СНГ весьма сомнительна. Фактически оно включает фрагменты «Большой Европы», «тюркского общего рынка», «Большой Восточной Азии», усеченной сферы влияния России. Однако зачастую связующим звеном региональной и особенно – субрегиональных систем и стержнем «положительной» или «негативной» идентификации для участия постсоветских государств в тех или иных союзах выступает именно Россия, опирающаяся на свою историческую и геополитическую роль, экономический потенциал, социокультурные и цивилизационные параметры.

Как пояснялось еще в «Основных положениях Концепции внешней политики Российской Федерации» 1993 г., Россия в отношении новых независимых государств будет придерживаться принципиально новой стратегии межгосударственных отношений, основанной «на принципах равноправия и взаимной выгоды». Теоретически такая стратегия соответствует модели горизонтальной интеграции. Одновременно, в духе политики «нового мышления» позднего советского периода, подтверждался отказ от имперской политики, а именно, – от «элементов имперского высокомерия и эгоцентризма», присущих бывшему СССР [7, с. 20]. Таким образом, отвергалась

иная модель – вертикальной интеграции, свойственная процессам (квази)интеграции с участием бывших метрополий и зависимых территорий, что можно было наблюдать, например, в Западной Африке в 1950-е гг. Однако переплетение объективных и субъективных обстоятельств на практике породило сочетание элементов обеих моделей, что, в свою очередь, обусловило сложность и неоднозначность складывающейся системы.

Показательно, что уже на Московском саммите стран СНГ в мае 1993 г. выделились сторонники, во-первых, концепции «ядра» – центрально-периферийной конструкции Содружества, базирующейся на соединении разнопорядковых интеграционных процессов (Казахстан); во-вторых, – «избирательного» подхода, предполагающего дистанцирование от военно-политической интеграции и многосторонних форматов (Украина, Туркменистан, Молдова) [6, с. 10-11].

В целом, на пространстве бывшего Советского Союза наблюдалось несколько волн дезинтеграции и интеграции / реинтеграции. Примерно до середины 1990-х годов сочетались доминанты одновременно логики распада и мягкой реинтеграции, на смену которым пришли вновь корреспондирующие центристские и центробежные процессы, но в иной форме. Новая фрагментация постсоветского пространства была обусловлена складыванием субрегиональных объединений и выделением «интеграционного ядра» в составе участников Сообщества / Союза / Союзного государства Беларуси и России, в расширенном формате – Таможенного союза (+ Казахстан, Кыргызстан + Таджикистан), с параллельным существованием Содружества Независимых Государств. С начала 2000-х годов наступила новая волна, характеризующаяся переориентацией России на двусторонний и субрегиональный форматы и дифференцированный подход к межгосударственным отношениям, легализацией «ухода» стран Балтии в Европу как один из интеграционных центров, усилением интеграционной конкуренции между «пророссийскими» объединениями и ЕС. Одновременно уменьшилась альтернативность субрегиональных образований в рамках СНГ в силу тенденции к их слиянию. Более четко обозначилось «интеграционное ядро» СНГ, базирующееся на алгоритме «3 (Россия, Белоруссия, Казахстан) +».

Институциональная система Содружества и на современном этапе сохраняет межгосударственный характер. Изначально, как отмечает М. В. Стрежнева, институты СНГ в существенной степени были скопированы с институционального устройства ЕС [2, с. 239-243]. Сейчас заметно, что своей структурной сложностью и громоздкостью, приверженностью принципу консенсуса в принятии решений и отсутствием заметных практических результатов, СНГ больше напоминает Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Также, на наш взгляд, очевидна схожесть процесса реформирования СНГ и Организации Объединенных Наций (ООН): с одной стороны, выражается убежденность в том, что реформа действительно «назрела», с другой – представители государств-участников ограничиваются формальными решениями в организационной сфере.

Неслучайно в Концепции дальнейшего развития СНГ, принятой на Душанбинском саммите в октябре 2007 г., говорится о необходимости замены постоянного реформирования органов СНГ адаптацией их структур, форм и методов работы к новым задачам Содружества. Судя по документу и происходящим событиям, Содружество наделяется прежде всего координирующими функциями, характерными для международных организаций общей компетенции. Так, согласно Концепции, СНГ представляет собой «важный механизм проведения межгосударственных консультаций и переговоров в целях согласования и реализации в рамках Содружества направлений многостороннего сотрудничества». Несмотря на солидный объем запланированных интеграционных мероприятий, в специальных областях взаимодействия стран СНГ в обозримой перспективе наибольшие ожидания будут связаны с субрегиональными форматами. В Концепции отмечается, что «государства-участники СНГ будут стремиться к увеличению количества проектов и программ, в реализации которых заинтересованы все государства Содружества и которые призваны служить обеспечению их суверенитета и национальных интересов. Наряду с этим в Содружестве реализуются равноуровневые и разноформатные модели взаимодействия, учитывающие специфику национальных интересов и внешнеполитического курса государств-участников СНГ...», а «ограниченное участие отдельных государств-участников СНГ в деятельности его органов и принимаемых документах, обусловленное особенностями национальных интересов, воспринимается в Содружестве с пониманием и уважением» [5]. Показательна отрицательная динамика участия стран СНГ в многосторонних соглашениях [10; 11].

Итак, в Содружестве сохраняется определенная переходность, но это не переход в новое качество (конфедерацию или интеграционное объединение), а, скорее, завершение перехода после распада СССР к новой системе межгосударственных отношений в регионе. В этой системе значительную роль играют межэлитные коммуникации, субъектами которых на фоне внедрения «рыночного» подхода все больше выступают бизнес-структуры.

Политические реалии национального и межгосударственного уровня (среди них – «демократические революции», геополитическая конкуренция и пр.) значительно повышают неустойчивость системы. В таких условиях практически невозможно выработать идеологию объединения, базирующуюся на фундаментальной, разделяемой всеми объединительной идее, хотя и была сформирована некая «псевдоидеология», опирающаяся на ее симулякр – идею «реинтеграции», которая на практике обернулась квазиинтеграцией.

Разумеется, СНГ как союз большинства постсоветских республик сохраняет определенную привлекательность и даже необходимость, диктуемую современными геополитическими и геоэкономическими реалиями (противодействие международному терроризму и другим опасным видам транснациональной преступности, поддержание стабильности на постсоветском пространстве, адекватное реагирование на вызовы глобализации и пр.). Однако в этом глобальном экзистенциальном смысле оно может, как представляется, выполнять только координирующие функции и дополнять деятельность объединений и структур на мезо- (субрегиональном) уровне новой пространственной и коммуникативной системы.

В большинстве аспектов предполагаемые и реально сложившиеся субрегиональные модули являются перекрывающимися друг друга, т.к. одни и те же государства СНГ одновременно входили или входят в разные объединения и соглашения. Это обстоятельство, а также усиление фрагментации пространства Содружества порождают разные оценки субрегиональных образований – от признания их допустимости и оправданности [4, с. 75] до определения их фактически катализатором распада СНГ, хотя в то же время указывается, что они «создают реальные предпосылки для поиска путей и методов укрепления национальной экономической безопасности» [3, с. 3].

Как своеобразную модель «интеграционного ядра» для пространства СНГ на протяжении длительного времени рассматривали Сообщество / Союз / Союзное государство Беларуси и России. По-прежнему можно считать, что потенциал федерализации «интеграционного ядра», если придерживаться позиций нового европейского федерализма, гипотетически образуют некоторые аксиологические параметры, среди которых – близость языков, культур, принадлежность большинства населения к единой церкви – РПЦ. Однако, как мы подчеркивали ранее, в социально-политическом измерении одной из наиболее существенных остается проблема «издержек» и «бремени» интеграции. Она сочетает недовольство и опасения политических элит (по поводу ограничения властных полномочий, усиления оппозиции и даже «демократической революции») и населения (в связи с возможными ускоренными рыночными преобразованиями – в Белоруссии, утраты стабильности – в России) [1, с. 144].

Отсутствие готовности интегрирующихся государств к ограничению своих суверенных прав и полномочий не позволяет сформироваться новому качеству российско-белорусского объединения – позитивному суверенитету, который можно рассматривать как его функционально-ролевой признак, способствующий достижению нового уровня интеграции и через механизм «перелива» и эффект «обобщения успехов» подключить к нему другие государства. Неразрешенной остается проблема симметричности интеграционной системы, что порождает тенденцию к распаду «ядра».

В более широком составе «интеграционное ядро» Содружества может включать государства ЕврАзЭС и ОДКБ. Однако и в Сообществе присутствуют проблемные политические вопросы – опасения «опеки» со стороны России и в целом проблема лидерства, связанная, помимо прочего, со статусной позицией «главного интегратора» Сообщества, а также разногласия внутри Таможенного союза – его «интеграционного ядра», особенно между РФ и Белоруссией. В то же время все более акцентированным становится стремление позиционировать Таможенный союз и в ближайшей перспективе – Единое экономическое пространство ЕврАзЭС – как базис для перехода на более высокую ступень интеграции с созданием наднационального Евразийского союза, могущего изменить «конфигурацию всего Евразийского пространства» [8].

Практически же полное совпадение состава ОДКБ с составом ЕврАзЭС (только Армения в ОДКБ является полноправным членом) способствует их взаимодополняемости и позволяет предполагать их слияние в одну интеграционную структуру. Действия по корректировке доктрины ОДКБ, созданию оперативного потенциала (КСБР, КСОР и пр.), установлению контактов с другими организациями и структурами – Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Антитеррористическим центром (АТЦ) СНГ и др. – можно толковать как важный шаг по преодолению фрагментации политики ведущих акторов региона. Тем не менее, главное внимание ОДКБ сосредоточено на Центральноазиатском регионе. Реализация других региональных приоритетов – западного и южного – осуществляется скорее по линии двустороннего взаимодействия: Россия – Белоруссия и Россия – Армения. Таким образом, система коллективной безопасности в рамках ОДКБ включает несколько субрегиональных подсистем, а процесс формирования системы безопасности стран СНГ далек от завершения.

В формирующейся интеграционной системе ЕврАзЭС / ОДКБ количественно преобладает центральноазиатский компонент. На современном этапе Центральноазиатский регион сохраняет значительную гетерогенность в плоскости формирования региональной (в масштабах Содружества) и субрегиональной (в рамках Центральной Азии) интеграционных систем. В «интеграционное ядро» Содружества из стран региона фактически входит только Казахстан, пожалуй, сейчас наиболее предсказуемый интеграционный партнер России. Заметим, что его политика базируется на признании приоритетности экономического взаимодействия, но вместе с тем характеризуется восприимчивостью к идее углубления интеграции и внедрению наднациональных органов в различных интеграционных модулях, в первую очередь, – ЕврАзЭС. Узбекистан и Туркменистан, располагающие определенным потенциалом, склонны придерживаться «маятниковой модели» или же «равноудаленности» и в большей степени ориентированы на южное направление или внутрирегиональное (центральноазиатское) взаимодействие. Для них, учитывая наличие дополнительных возможностей маневра между РФ и другим лидером – КНР, более привлекательным интеграционным форматом может быть ШОС. Кыргызстан, напротив, после очередной «демократической революции» 2010 г. должен проявлять максимальную заинтересованность в сближении с Россией, но его внутренние проблемы вкупе с географическим положением выступают очевидным ограничителем активизации его участия в интеграционных структурах под эгидой РФ, равно как и гипотетического включения в «интеграционное ядро» СНГ.

Дополнительные элементы гетерогенности с точки зрения интеграционных перспектив региона и его целостности вносит Организация за демократию и экономическое развитие / ГУАМ. Создание ГУАМ / ГУУАМ отражало, по сути, развитие активно протекавшей тенденции к фрагментации СНГ «по интересам». В качестве главного объекта сотрудничества первоначально были намечены «неполитические» вопросы развития инфраструктуры, но эффект фрустрации побудил к переносу активности на другие сферы – политическую и военную. Фиксируется общее стремление участников продолжать продвижение по пути европейской интеграции и заинтересованность в дальнейшем развитии партнерских отношений с Соединенными Штатами Америки и другими странами и организациями [12].

С другой стороны, ГУАМ с определенной долей условности можно трактовать как своеобразную «карманную оппозицию», которая поддается управлению, или как противника, который хорошо всем известен и поэтому предсказуем. События Кавказского кризиса подтверждают конъюнктурность отношений членов блока с Россией, показывая, с одной стороны, отсутствие консолидированной позиции ГУАМ, с другой – бесплодность расчетов на его распад не только ввиду внешней поддержки, но и внутренней – в рамках Содружества. Частичная нормализация отношений РФ с Молдовой и сближение с Азербайджаном, наряду с неустойчивостью внутренней и внешней политики Украины и кризисом в отношениях с Грузией, увеличивает вариативность ситуации, не позволяя прийти к однозначным выводам, в том числе в вопросе о подключении к «интеграционному ядру» Содружества Украины. Интересы России на данном направлении сравнимы с детерминантами российско-белорусского взаимодействия. Это важное геополитическое положение Украины, нахождение военных и экономических объектов на ее территории (база Черноморского флота РФ, нефте- и газопроводы, значение которых может быть нивелировано введением в эксплуатацию Североевропейского газопровода), объем взаимного товарооборота. Главной интеграционной инициативой в рассматриваемой плоскости следует признать проект формирования Единого экономического пространства в составе России, Белоруссии, Казахстана и Украины 2003 г., реализация которого оказалась сорванной «оранжевой революцией».

Смягчение политического кризиса в Украине и смена здесь руководства в 2010 г. создали предпосылки если не для полного вхождения страны в «интеграционное ядро», то хотя бы для приближения к нему через активизацию двусторонних форматов взаимодействия, в первую очередь, за счет нормализации отношений с Россией. Однако и в новом Законе о принципах внутренней и внешней политики Украины, наряду с закреплением политики внеблоковости Украины и исключением нормы об обретении членства в НАТО, содержится положение о задаче членства в Европейском Союзе при сохранении добрососедских отношений и стратегического партнерства с Российской Федерацией, другими странами СНГ, а также с другими странами мира [9]. Таким образом, Украина сохраняет возможность вернуться к политике «качелей», выбирая между конкурирующими интеграционными проектами.

В контексте проанализированных тенденций спроецируем на регион СНГ – усеченное постсоветское пространство после «ухода» стран Балтии в Европейский Союз и выхода Грузии из состава Содружества – некоторые имперские или квазиимперские конструкции. Среди них – сценарий, который условно обозначим как «Русский мир – Православная Империя», базирующийся на исторически-цивилизационной линии священного империализма, унаследованной от Византии. На современном этапе идея «Русского мира» обретает достаточно зримые контуры и даже перетекает в идею православного единства, по крайней мере, на пространстве бывшего СССР, имея, прежде всего, культурно-цивилизационный смысл, но одновременно предполагая духовное и морально-политическое лидерство России в данном геополитическом регионе. Движущие силы этого сценария – усиление позиций РПЦ внутри России, активизация ее внешних связей, при безусловной поддержке и участии действующего Патриарха, относительная нормализация отношений с Украиной и ее церковью. Учитывая, однако, особенности геополитической ситуации на пространстве СНГ, допускаемая «Православная империя» может базироваться на системе триализма, имея в виду характер отношений между Россией, Украиной и Белоруссией, образующих историческое ядро государственности восточных славян и исторический оплот православия в регионе. Нивелирование значения Белоруссии как традиционно главного партнера России на постсоветском пространстве и сближение с Украиной при одновременном безусловном доминировании РПЦ на территории Республики Беларусь и отсутствии попыток оспаривания ее роли и, напротив, наличии таковых в Украине, усиление интереса к Молдове – неславянскому государству – не позволяют в целом четко определять возможную конфигурацию «Православной Империи».

Другой имперский сценарий в анализируемом измерении – «Постнеоимперский гамбит» – инсталляция текущей геополитической ситуации на пространстве СНГ, влияния здесь России и эволюции ее политико-территориальной системы – в направлении формирования надгосударственной – (квази)интеграционной или (квази)имперской системы. Приоритет отдается не аксиологическим, а экономическим параметрам.

Благоприятный вариант основывается на поступательном развитии интеграционных процессов в регионе, формально – при соблюдении интересов и равноправия их участников. Наличие (квази)имперских элементов – фактического доминирования России, отсутствие паритетного представительства в интеграционных структурах, введение не только в ЕврАзЭС, но и в других объединениях с участием России системы взвешенного голосования – будет определяться более успешным социально-экономическим развитием России, потребностью большинства зарубежных стран СНГ в российских энергоносителях, кредитах и пр., продвижением российских корпораций на их внутренние рынки, активностью в «продавливании» собственных интеграционных проектов, сохранением фактора «цветных революций», авторитетом России на международной арене в целом.

Геополитические реалии регионального и глобального масштаба позволяют допускать и катастрофический сценарий – «Шах vs. мат» – по сути, эсхатологическую интерпретацию «реставрационного» сценария, обусловленную провалом попыток восстановить имперский контроль при отсутствии необходимых ресурсов – политических и экономических, а также противодействием внешних акторов. В данном случае попытка воспользоваться внутренними трудностями некоторых стран СНГ, например, Белоруссии и Кыргызстана, российской стороной может трактоваться как восстановление геополитической стабильности в регионе, а иными силами – как возрождение имперских амбиций. В большинстве стран СНГ провоцируется недовольство существующими режимами и организуются «демократические революции» с логичными последствиями –

их окончательным «уходом» от России и даже – возможным введением санкций против нее как «агрессора» в случае попыток противодействовать «демократизации».

Наконец, это «Геополитическая реставрация» – «Российская империя vs. Советский Союз». Предполагает в мягком варианте восстановление имперского контроля, в жестком – границ Российской империи или СССР – «мировой», «евразийской», «региональной» империй. Идеологически он может стимулироваться как левыми радикальными настроениями, так и правыми, консервативными. Первая же вероятность сопрягается с «реставрационным» подходом к формированию и реализации внешней и интеграционной политики России, популярным в 1990-е гг. Пространственно усеченный вариант – создание Союзного государства Беларуси и России как надгосударственной системы с асимметрией статуса и влияния ее участников. Однако геополитические реалии и внутренний расклад политических сил побуждают усомниться в практической реализуемости жесткого варианта. Гипотетически он допустим в случае идеологического реванша в России вследствие социальной катастрофы по мере нарастания мирового кризиса и при отсутствии видимых результатов в модернизации страны.

Итак, системе региона, базирующейся на сосуществовании Содружества и субрегиональных (квази)интеграционных группировок, одновременно свойственна плюралистическая однополярность, выражаемая стремлениями России быть главным центром притяжения других стран СНГ либо иницилирующими действиями стран «интеграционного ядра». Разногласия же в интеграционных предпочтениях позволяют прогнозировать и актуализацию ситуации асимметричной многополярности. С другой стороны, на современном этапе заметна тенденция к образованию биполярной конфигурации интеграционного пространства Содружества (ЕврАзЭС – ОДКБ) с «уплотняющимся» центром – своего рода «тройственным согласием» России, Белоруссии и Казахстана. Приоритетность того или иного вектора интеграционной политики стран СНГ, соответственно, консолидация или окончательная фрагментация региона и расширение сферы влияния других «интеграционных центров» во многом будут определяться привлекательностью предлагаемых моделей, а также объемом ресурсов, направляемых на поддержку заинтересованности в выборе того или иного доминантного партнера.

Список литературы

1. Бахлова О. В. Интеграционная политика Белоруссии и перспективы федерализации политической системы Союзного государства Беларуси и России // Федерализм: теория, практика, история. 2009. № 4. С. 131–146.
2. Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО(У); РОССПЭН, 2002. 526 с.
3. Годин Ю. Надежд на реинтеграцию становится все меньше // Содружество НГ. 2000. № 10.
4. Зиядуллаев Н. СНГ: национальная безопасность и экспансия США // Свободная мысль – XXI. 2002. № 6. С. 73–87.
5. Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cis.minsk.by/webnpa/text.aspx?RN=N90700503#косер> (дата обращения: 14.09.2011).
6. «Новое зарубежье» и шансы российско-американского партнерства / А. Д. Богатуров, В. В. Дребенцев, И. В. Исакова и др. М.: РНФ, 1993. 60 с.
7. Основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия: в 4-х т. / сост. Т. А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4. Документы. С. 19–50.
8. От Таможенного союза к единому экономическому пространству: интересы бизнеса [Электронный ресурс]: конференция деловых кругов. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/15870/> (дата обращения: 27.07.2011).
9. Про засади внутрішньої і зовнішньої політики [Электронный ресурс]: Закон України № 2411-VI 1 липня 2010 року. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/12069.html> (дата обращения: 25.09.2011).
10. Сведения о выполнении внутригосударственных процедур по документам, принятым в рамках СНГ в 1991–2011 гг. (действующих по состоянию на 28 сентября 2011 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reports/vgp/sved> (дата обращения: 28.09.2011).
11. Сведения о ратификации документов, принятых в рамках СНГ в 1991–2011 гг. (действующих по состоянию на 28 сентября 2011 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reports/rat/sved> (дата обращения: 28.09.2011).
12. Устав Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ [Электронный ресурс]. URL: <http://guam-organization.org/node/449> (дата обращения: 14.07.2011).

INTEGRATION PROCESSES EVOLUTION WITHIN POST-SOVIET AREA AND THEIR INFLUENCE ON THE CENTRAL-PERIPHERAL CONFIGURATION OF THE REGION

Ol'ga Vladimirovna Bakhlova, Doctor in Political Science, Associate Professor

Department of General History and World Political Process

Mordvinian State University named after N. P. Ogarev

olga.bahlova@gmail.com

The author analyzes the problems of integration processes theoretical interpretation and modeling within post-soviet area, distinguishes their evolution main stages and results in the modern period, pays special attention to the spatial-territorial component of this process in the context of the Commonwealth region central-peripheral configuration problem research and suggests different scenarios of its spatial composition formation.

Key words and phrases: vertical integration; horizontal integration; disintegration; integration system; peripherals; region; reintegration; centre; evolution.